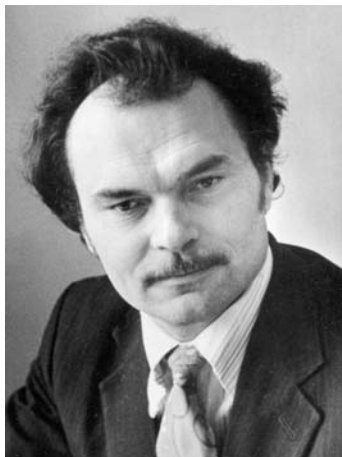

ИВАН СТАДОЛЬНИК

ГРОЗА

РАССКАЗ

За окном — засушливая духота, солнце красным диском висит над далёким печальным лесом. В том месте небо прихвачено золотисто-пурпурным, а дальше — красным, с синим отливом, светом. Чуть выше вправо, на синеватой, похожей на тучу дымке чётко отразился отпечаток солнечного диска. Эта примета, как считали старики, предсказывала бурю. Ни на улице, ни в доме невозможно было находиться из-за жары. Ленивый полусумрак летнего вечера, казалось, колебался. Лоснился, даже поблёскивал в слабом солнечном свете асфальт улицы, которая круто поворачивала налево от деревянных домиков окраины и таяла вдаль. Такой духоты Жёня и не припоминала. В деревянном доме и то нечем было дышать.

Хорошо было бы теперь плескаться где-нибудь на речке. А тут ещё эта кухня. Жёня вся упарилась, пока приготовила ужин. На кухне до тошноты тяжело, хотя настежь открыты окна и двери, стоит туман, только не такой, как обычно, а какой-то серый, неподвижный, густой. Сегодня было много стирки, и ко всей этой духоте примешивался сырой запах мокрого белья. В первые дни, когда Жёня стала самой настоящей хозяйкой, её радовало это домашнее тепло. Теперь же всё стало привычным, будничным.

Как сон, как хмельная минута, стоит в памяти тот случай на автобусной остановке. Людей почти не было. Только один пожилой мужчина всё ходил взад-вперёд, видимо, куда-то очень торопился. Автобус задерживался, но Жёню это почему-то радовало. И правда: куда ей спешить? Хозяин опять будет ссориться с женой, ни за что ни про что оскорблять её, квартирантку,

---

СТАДОЛЬНИК Иван Константинович родился в 1940 году в д. Янки Докишицкого района Витебской области. Окончил Полоцкое медицинское училище и Белорусский государственный университет. Член Союза писателей Беларуси. Автор ряда книг прозы. Живёт в Минске.

кричать: “Чтоб завтра духу твоего здесь не было!”, выгонять только за то, что Женя квартплату за этот месяц отдала не ему, а жене, чтобы не пропил. И как тут быть: отдай ту плату хозяину, жена ворчит, говорит лишь бы что, намекает на “вот — Бог, а вот — порог”. Какое-то время она платила за квартиру, когда хозяева собирались за столом, тогда Женя клала на стол деньги на одинаковом расстоянии от хозяина и хозяйки. И они уже сами разбирались между собой, кто первый заберёт квартплату.

...Мужчина сам подошёл к Жене и заговорил:

— Вот как у нас автобусы ходят. Тут отстоишь, а там, дома, работы хоть умирай.

— Вот я и смотрю, что мужчин мало в городе, наверное, все поумирали, футбол глядя по телевизору, — словно обрадовавшись, что мужчина зацепил её, пошутила Женя.

— Не до телевизора мне, стирки дома много, а завтра воскресенье.

— Видно, жена у вас — барыня.

— Жена, говоришь?.. Похоронил зимой.

У Жени само по себе сорвалось с языка:

— И живёте один?..

— А ты бы пошла на четверых детей?

Женя и теперь не может понять, как всё получилось: почему в тот же вечер пошла к Петру? Может, пожалела его детей, а может, из сострадания к одинокому.

Хотя сразу же диковато, косо посматривали на неё дети, Женя всё равно привезла из старой квартиры чемодан — все свои пожитки. Пётр сказал детям, что тетя Женя будет у них жить, готовить, стирать бельё. Старший, Толик, который уже работал на заводе, опустив глаза, сразу отрезал:

— Нам помощники не нужны, сами справимся.

Младшие промолчали, но потом, где надо и где не надо, упоминали мать, ясно намекая, что мачеха им не нужна. Женя видела, что дети всё делают по-своему. Всегда стараются подчеркнуть, что она, Женя, здесь лишняя.

Младший Юрка порвал недавно штаны. Порвал нарочно — съезжая на глазах у Жени с перил крыльца, на которых были зазубрины. Женя просила:

— Юрочка, штаны порвёшь!

Юрка молчал и ещё быстрее взбирался на крыльцо, сопя, садился на перила и, пружинисто отталкиваясь руками, ехал вниз.

— Ага, а что я говорила? — упрекнула Женя, когда затрещали штаны и на перилах, защемлённый в трещину, заболтался большой обрывок.

— А мама меня не ругала, когда штаны рвал! — словно плача, закричал Юрка.

Вчера Женя сварила борщ. Толя пришёл с работы, сел есть, хлебнул один раз и лязгнул ложкой:

— Помой.

И сам стал варить себе борщ отдельно. Женя и на это промолчала.

Пётр всё видит, но молчит. Женя не надоедает ему своими заботами, старается угодить мальчишкам — может, привыкнут. Вот и сегодня приготовила холодник из ботвы. Купила к нему огурцов, сметаны — одно объединение. Забежала соседка, попробовала — нахвалиться не могла. Сама Женя даже не ела — пускай Толику будет, если останется после него, тогда похлебают. Младшие уехали вчера в деревню к бабушке — так сегодня ей легче.

Управившись на кухне, Женя перешла в зал, надеясь найти там прохладу и отдохнуть. В зале было ненамного свежее. Вспомнила про Петра: что-то уж слишком он похудел, весь день сегодня лежит, а завтра снова поедет в дальнюю командировку.

На душе было тяжело. Зачем она здесь? — всё сильнее досаждали мысли. Растить чужих детей? Но они ведь сами этого не хотят. Ради Петра? Может, и так. Что дети? Им всё просто. Толик с девушками ходит, смотришь, жениться захочет. Теперь у молодых всё просто. А уживутся ли отец с невесткой?

А может, он ей нужен? А как же? Намыкалась, истосковалась по мужчине. Куда уже одной. Если такая судьба, то хоть бы теперь побыть вдвоём.

Надо ведь и ей пожить по-человечески, всё есть, не хватает только мужа.

Женя окинула взглядом комнату: было темно. Включила свет и опять присела. Нет, она не вернётся к бывшему хозяину. И вообще никуда не уйдёт, пускай не слушается Толик, пускай докучают младшие, пускай хоть весь мир перевернётся.

Она всю жизнь мечтала о своём уголке, хотела быть хозяйкой. Смолоду скиталась по чужим людям, а теперь какой ни есть, а свой угол. И она в нём хозяйка. Пускай что хотят делают мальчишки — квартира казённая — не выгонят, она имеет такое же право на этот угол, как и они.

При свете в комнате стало веселее, отливали белизной стены, приятно желтел чисто вымытый пол. Из форточки повеяло холодком, за окном зашумел ветер. Из-за яркого света лампочки Женя не заметила, как сверкнула молния. Гром ударил неожиданно. В открытую форточку влетел целый вихрь и начал неистово рвать на клочья занавески. Женя испуганно подхватилась с кресла и вдоль стены, чтоб не быть напротив окна, медленно пошла, намереваясь закрыть форточку на крючок. Вдруг в окне ослепительно сверкнуло, у Жени даже защемило в груди, закололо в пятках, и по руке пробежало горячее онемение. Ярко, до боли в глазах вспыхнула лампочка и потухла, сухо грянул гром.

В потёмках стало ещё страшнее: чёрное небо в окне, казалось, разламывалось время от времени на части, оскаливаясь огненными зубуринами, и сразу в окно ударял новый шквал ветра, а за ним вдогонку бахал гром. Скрипя, покачивался от сильного ветра старый раздвоенный клён под окном.

“Как там Толик?.. — подумала Женя. — Неужели в дороге дождь застал?” Ей вдруг стало очень жалко Толика. С порывами ветра в форточку ворвался запах дыма. Где-то что-то горело. Женя посмотрела в окно, но нигде не увидела пожара. А может, с другой стороны дом загорелся? Она вскочила и, уже не обращая внимания на раскаты грома, выбежала в коридор, оттуда — во двор. И сразу захлестали по ней густые струи дождя. Заливая глаза, лезли в нос, не давали дышать. Пока осмотрела дом — промокла до нитки: огня нигде не было видно. Наверное, горело где-то далеко. Женя не спеша вернулась в дом, нащупала на вешалке халат, переоделась. Гром отдалялся. Теперь он гремел не так страшно и гневно, а даже как-то приятно рокотал. Отдалялся и шум дождя. Только слышно было, как ручьём лилась вода с крыши. Потом всё утихло, лишь всхлипывали, падая в лужи, редкие тяжёлые капли. Затем наступила тоскливая тишина. Послышался шорох. Женя нащупала в кармане своего цветастого ситцевого халата спички, на ощупь отыскала в шкафу свечку. Каждый раз в грозу гаснет свет в их доме. Капнув расплавленного парафина на дно пепельницы, Женя закрепила в ней свечку.

Унылый свет слабо наполнял комнату. Поодаль от стола густела серая полумгла, настороженная, пугливая. Хилый от уже ослабевшего ветерка язычок пламени податливо трепыхался из стороны в сторону. Казалось, в комнате всё мельтешило, и ей от этого становилось жутко. Храпел в спальне Пётр. Его храп нагонял на Женю ещё больший страх. Но ей почему-то не хотелось идти к Петру. Хоть и страшно, но она здесь хозяйка, хозяйка этой комнаты, этого лёгкого полумрака.

Женя забыла, что ждёт Толика. Ей вспомнилась далёкая юность, война. Матери она не помнит. Видно, чувствовал отец, что не вернётся: когда шёл на фронт — плакал-захлёбывался, долго держал Женю, прижав к себе. А она тогда уже была девчонка гордая, дикая. Может, оттого, что не знала материнской ласки. Каким бы ласковым ни был отец, всё равно что-то грубоватое, мужское остаётся от него в ребёнке.

Шёл на фронт вместе с отцом и Алесь. Женя стеснялась его, держалась поодаль. Ей почему-то казалось, что Алесь на войне не убьют. Сердце сжималось только по отцу. Когда он выпустил Женю из объятий, подбежал Алесь, подал руку и шепнул: “Жди меня...” Женя покраснела, а Алесь вдруг прижал её к себе, и пока опомнилась, поцеловал в самые губы. Она только через мгновение встретилась вся, как пойманная в сети рыба, рванулась, с размаху ударила Алесья рукой по щеке и, крутнувшись на месте, побежала домой. Сначала тихо, а потом громко заплакала.

Плакала всю дорогу, долго не могла успокоиться и дома. Потом много раз думалось: хорошо, что Алесь поцеловал. Вдоволь она тогда наплакалась. А поцелуй Алеся чувствовала на своих губах долго-долго. И теперь ещё болит душа из-за того глупого поступка. Не вернулись с войны ни отец, ни Алесь. А Жения ждала их долго, больно. И всё упрекала себя, что в письме не попросила у Алеся прощения. Как-то не по-человечески получилось у них. Уже собрались пожениться, а она всё упиралась, когда Алесь хотел поцеловать.

Теперь бы она по-другому жила, она бы до обморока целовалась с любимым, с радостью растила бы его детей. Жения даже испугалась этих мыслей, нет, всё-таки она хорошо сделала. Гордая была, не покорилась беде, выдержала всё. А сейчас?..

У Жении даже сердце зашло, она испуганно оглянулась: язычок свечи замелькал, затрепетал. Жене вдруг показалось, что в доме кто-то есть — чужой, лишний. Она даже огляделась по сторонам. Но ничего подозрительного не заметила, только летал пёстрый мотылек. Он то исчезал где-то в полумраке, то налетал на свечу, на самый язычок пламени, и тогда откуда-то из-под крылышек вспыхивали малюсенькие, как пылинки, искорки. Жения неподвижно наблюдала за этой игрой с огнем. Мотылёк вдруг ударился о фитиль свечи, загорелся, охваченный пламенем. Свеча потухла. Противно запахло палёным. Жения дрожащими руками, будто после большого несчастья, достала из фартука спички, чиркнула. Головка треснула и с шипением брызнула в разные стороны. Когда Жения зажгла вторую — увидела, что мотылёк лежит на столе, дрыгая обгоревшими крылышками. Женю чуть не стошнило от едкой вони, которая расплывалась по комнате. Зажёгши свечу, она заторопилась в коридор.

Надышавшись там через открытую дверь свежим воздухом, вернулась в дом. Растерянно постояла на кухне, а потом прошмыгнула в спальню. Из-под кровати вытащила свой чемодан...

Уже не было на небе огромной чёрной тучи. Мирно журчала, стекая по улице, вода. То там, то здесь сверкали ещё молнии. Жения вышла за калитку, оглядываясь на дом, осторожно ступая по тёплому, раскисшему от дождя песку. Пройдя несколько шагов, почувствовала, как что-то холодное скользнуло по ногам. Жения даже присела от испуга. Но скоро отлегло от сердца: это была кленовая ветка. А чуть дальше лежал старый клён, под ним — расщеплённый пополам пенёк. Жения догадалась, почему небо казалось ей слишком светлым — ведь теперь его не заслонял старый клён.

Вдруг послышался слабый стон. И тут же, словно от ветра, шевельнулись ветки клёна. Жения онемела от неожиданности. Немного придя в себя, преодолевая страх, подошла ближе — и ужаснулась: под ветками клёна лежал Толик.

Её охватил ещё больший страх, теперь уже за Толика. Что с ним? Осторожно, чтобы не сделать больно, напрягая все силы, оттащила дерево, которое придавило Толику ногу. Приподняла его голову:

— Толечка! Родной, ты жив? Отзовись! — Руки дрожали. Забыла про чемодан, который бросила где-то в грязь.

Она сбегала в дом, обмыла Толику окровавленное лицо, дала тёплого чая. Толик раскрыл глаза, попробовал даже встать, но Жения рукой легонько остановила его, начала, как маленькому, поглаживать волосы.

— Ничего, я живой, мама... — вдруг прошептал Толик.

Эти слова будто кипятком облили, по телу разлилась неимоверная усталость. “При памяти сказал он это или нет?” — переводя дух, подумала Жения. И ей вдруг стало легко на душе, на её мокром от слёз лице засветилась улыбка.

В доме вспыхнул электрический свет, мгновенно осветив Женю, Толика, мокрые кленовые ветки.